

На правах рукописи

Черкесова Кристина Ивановна

Механизмы сохранения знания в европейской культуре

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Белгород – 2020

Работа выполнена на кафедре философии и теологии
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты

Антонов Евгений Алексеевич, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства
внутренних дел им. И.Д. Путилина»;

Черкашин Михаил Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, социально-правовых и естественнонаучных
дисциплин ГОАУ Курской области «Курская академия государственной и
муниципальной службы».

Защита состоится «10» июля 2020 г. в 14.00 на заседании совета по
защите докторских и кандидатских диссертаций БелГУ.09.01 по
философским наукам на базе НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул.
Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ»
(308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан « » _____ 2020 г. и размещен на сайте
НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>).

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

С.В. Резник

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана со всё возрастающей ролью знания в жизни человека, а также развитием возможностей по его накоплению и сохранению. При этом западная философская традиция достаточно рано ставит вопрос о знании, его трансляции и сохранении. Начиная с мифа о Прометее и Эпиметее, можно сказать, двух парадигмальных фигурах западной культуры, «думающем до» и «думающем после», сохранение знания перестает быть только герменевтикой, распознаванием знания, данного богами, и становится «делом человеческим» и проблемой культуры. Причем проблемой хотя и важной, но достаточно часто вытесняемой другими, для философии более фундаментальными, например, проблемой самого знания, или практической, в случае с педагогикой, трансформацией образовательных институтов или инновациями.

Нам представляется актуальным вернуть проблему сохранения знания к её началу, в котором впервые возникла связка культуры, человека, знания, а также проблематизация механизмов сохранения знания как способов сборки культурных практик и феноменов, конкретных и ограниченных во времени, длящихся в истории европейской культуры и имеющих свою логику развития. Такая «сквозная» рефлексия имеет возможность концептуально «сшить» различные культурные феномены и исторические эпохи европейской культуры, выявив общую динамику механизмов сохранения знания. В свою очередь, она позволит более глубоко осмыслить многие другие актуальные темы, от уже упоминавшихся инноваций, возникновения и применения нового знания, до проблемы памяти.

Актуальность осмысления сохранения знания в культуре, таким образом, связана не столько с движением от тематической периферии к фундаментальному центру, сколько со смещением исследовательского фокуса, восстановления сети на многозначной поверхности культуры, которая связывает человека, знание, его деятельность, технику, институции в

единые механизмы, но не оставляя за пределами моделей историческую конкретику и «живого человека».

Степень научной разработанности проблемы. Проблема сохранения знания в культуре восходит к фундаментальной проблеме знания, поднятой ещё в античной философии в поучениях софистов и Сократа, в трудах Демокрита, Платона и Аристотеля. Обращение к ним задает общий широкий исторический и культурный контекст исследования механизмов сохранения и трансляции знания, проблемам письменности и знания в работах С.С. Аверинцева, И.Р. Блохина, Т.В. Васильева, Ю.С. Довженко, А.Б. Егорова, Ф.Х. Кессиди, М.А. Коростовцева, А.Ф. Лосева, А.С. Мельникова, А.В. Петрова.

Средневековый и новоевропейский период в аспекте выявления механизмов трансляции и сохранения знания реконструирован с опорой на работы Ф. Барбье, Ж.-Ф. Гилмонта, Ж. Ле Гоффа, И. Иллича, А. Де Либера, Б. Кларка, Б. Латура, М. Пастуро, Дж. Нидама, М. Полани, Д. Прайса, Ч. Тейлора, Й. Хейзинги. Производство и хранение знания в эпоху капитализма невозможно изучать вне контекста, заложенного в трудах Б. Андерсона, Х. Арндт, Р. Барта, П. Бурдьё, Ф. Гваттари, А. Грамши, Ж. Делёза, М. Сюрри, М. Фуко, У. Эко.

Постсовременность в вариациях «общества знания», «постиндустриального общества», «когнитивного капитализма» и иных концепций, акцентирующих внимание на знаниевой основе сегодняшнего мира, представлена работами Дж. Агамбена, Ж. Бодрийяра, Д. Бэлла, П. Вайнгарта, Э. Гидденса, Ги Дебора, Дж. Гэлбрейта, М. Махлупа, Р. Райха, У. Росту, Г. Стэндинга, О. Тоффлера, Н. Штерна, С. Жижека.

Стоит отметить также работы, посвященные теории коммуникации, различным формам символизации деятельности и мысли человека, представленные работами М. Бахтина, В. Беньямина, П. Верильо, В. Гриценко, Р. Дебрэ, Ю. Лотмана, В. Савчука, Р. Сеннета, Ф. Киттлера, М. Куртова, Л. Мамфорда, М. Мак-Люэна, В. Михалкович, В. Мазина, Ш.

Плеггенборга, Й. Хейзинги, Д. Хезмондалша, Н. Хренова, Р. Кайуа. Исследования, охватывающие тематику культурной памяти, представленные в работах Я. Ассмана и А. Ассман, Э. Саида, П. Нора, А. Эткинды, М. Хирша.

Особое место в нашей работе занимают исследования М.К. Петрова, который был первым из отечественных авторов, специально занимавшихся проблемой сохранения и передачи знания, проблемой социокода в философско-культурологическом ракурсе. Его подход был дополнен нами концепцией Б.Ф. Поршнева о механизме интердикции и суггестии, приведшему к возникновению речи, первого человеческого способа кодирования мысли. Важным для реконструкции ранних этапов истории человечества и механизмов хранения знания является концепция речи-мифа, В.П. Римского, а также развиваемый в ряде работ С.Н. Борисова, кандидатских диссертациях Е.А. Бондаренко, Н.Н. Шамардина, А.М. Андреевой культурно-исторический подход к исследованию социокода и анализу понятия культурно-исторической практики.

Вместе с тем, до сих пор не предложено целостной концепции механизмов сохранения знания в истории культуры, как и осмысления тех изменений, связанных с активным развитием информационных технологий, которые разворачиваются сегодня. Наше диссертационное исследование преследует цель прояснить эти проблемы и наметить пути их осмысления.

Объектом исследования является *феномен сохранения знания в культуре.*

Предмет исследования – *механизмы сохранения знания в истории европейской культуры.*

Цель работы: *анализ механизмов сохранения знания в истории европейской культуры.*

Для достижения намеченной цели автором были поставлены следующие **задачи:**

– провести критический анализ концепта «социокод» в современной философии;

- проследить трансформацию механизмов сохранения знания в истории европейской культуры;
- определить специфику современных механизмов сохранения знания в контексте кризиса человекоразмерности;
- выявить перспективы технологий кодирования и хранения информации в современном мире.

Теоретические и методологические основы исследования. В изучении механизмов сохранения знания в историческом и современном культурно-антропологическом контексте мы опирались на диалектический, сравнительно-исторический методы, а также культурно-цивилизационный и деятельностный подходы.

Применение системной методологии обусловлено системным и структурно-функциональным характером знания и культурных механизмов его трансляции и сохранения, спецификой кодирования знания в знаково-символических формах, сочетанием культурных, социальных, политических, технологических значений и смыслов данных феноменов.

Теоретическую основу нашего исследования механизмов хранения информации в истории европейской культуры составила философско-культурологическая и культурно-семиотическая методология М.К. Петрова, позволившая рассмотреть проблему сохранения знания в историко-культурной динамике с учетом диалектических противоречий человекоразмерности и её преодоления техническими средствами.

Научная новизна диссертационного исследования:

- осуществлена реконструкция философских значений концепта «социокод», который включает в себя противоречие ограниченного во времени человека и стремящегося к вечности кода;
- выявлены основные этапы трансформации механизмов хранения знания в истории европейской культуры, от архаического имитативного комплекса (речи-мифа) до книгоцентричных систем сохранения знания;

- определена специфика современных механизмов сохранения знания;
- выявлены перспективы развития технологий кодирования и хранения информации в современном мире.

Положения, выносимые на защиту:

1. Смысловые значения концепта М.К. Петрова «социокод» включают в себя определяющее разделение деятельности и знания, указывают на ограниченный характер человеческой памяти как места их хранения и инициатора передачи знания. Проблема сохранения знания содержит противоречие между человекоразмерностью и вневременным характером самого кода.

2. Возникновение наиболее раннего механизма сохранения знания связано с имитацией, которая нуждалась в непосредственном зрительном контакте для передачи знания и его запоминания. Архаический речевой механизм сочетался с целым рядом элементов подражательных, игровых, суггестивных и воплощался в речи-мифе. Речь-миф воспроизводит фундаментальное противоречие между ограниченностью памяти человека и вневременным знаком, в определенном смысле разрешаемое появлением письменности. Текстцентричное кодирование знания утверждается в средневековье, делает центром социокода книгу как основной элемент механизма сохранения знания.

3. Современные механизмы сохранения знания могут быть определены двойственной возможностью преодоления человекоразмерности, с одновременным смещением от механизмов сохранения знания к сохранению информации. С утратой человекоразмерности человек выпадает из схемы коммуникации как определяющий элемент, его приоритетность занимают сами медиа. Значение имеет накопление информации и его сохранение с помощью технических устройств, но эти механизмы все менее связаны с человеком как размерные ему, посильные для декодирования, восприятия и использования.

4. Цифровые технологии хранения информации не имеют ограничений по объёму, времени, они не соотносятся с категориями смысла, цели, культурной принадлежности. С этим связана беспрецедентная партикуляризация механизмов сохранения, создание частных инфо-сфер. Негативной стороной этого процесса является развитие механизмов забывания, обусловленных ростом производства информации и все возрастающим сокращением сроков её актуальности.

Научно-теоретическая значимость заключается в том, что оно содержит элементы нового знания в форме философско-антропологической интерпретации механизмов сохранения знания в европейской культуре, а также выявлении перспектив технологий кодирования и хранения информации в современном мире.

Практическое значение исследования состоит в том, что результаты исследования внедрены в практику преподавания дисциплин философского и культурологического циклов, специальных курсов кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. Полученные результаты также могут использоваться при разработке программ развития высшего образования и науки, в сфере построения концепций культурной политики, а также проектировании программ, соотносящихся с проблемой сохранения культурного наследия и традиции.

Личный вклад автора заключается в развитии концепции социокодов М.К. Петрова и апробации её концептуальных установок на историко-культурном материале Нового времени и современности. Автор выдвигает оригинальную интерпретацию культурно-исторической трансформации механизмов сохранения знания, раскрывает обратный механизм забывания, который диалектически связан с запоминанием что, в значительной мере характеризует современную культуру и человека.

Апробация основных результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на

заседании кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородского государственного национального исследовательского университета», на всероссийских и международных научных конференциях: Международной научной конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика. Власть и медиа» (21-22 октября 2019 г.), Международной научной конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (21 марта 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Наукоемкие технологии и интеллектуальные системы в XXI веке» (Пермь, 3 ноября 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы» (Стерлитамак, 21 октября 2017); Международной научно-практической конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 8 февраля 2017 г.); V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (Белгород, 14 апреля 2017 г.); Международной научной конференции «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (Ростов-на-Дону, 21 апреля 2016 г., Белгород, 25-26 апреля 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.); IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (Белгород, 14-15 апреля 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке» (Москва, 2014), Всероссийской научно-практической конференции «Человек в пространстве культуры» (Белгород, 2014); Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития науки» (Белгород, 14 февраля 2014 г.).

По теме диссертации опубликовано 12 научных работ (в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК РФ) общим объемом 4,5 п.л.

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета и рекомендована к защите.

Диссертационное исследование соответствует пунктам 3.28. Основные механизмы трансляции культуры, 2.8. Феномены человеческой субъективности, 2.9. Понятие человека в различных философских системах, 2.10. Антропологические конфигурации философии, 2.18. Культурно-философская антропология, 3.11. Универсум культуры, паспорта специальности 09.00.13 Философская антропология, философия культуры.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из двух глав (по два параграфа), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяется степень разработанности проблемы, научная новизна и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Знание в культуре: методология исследования»* реализован философско-культурологический анализ методологических оснований семиотических, информационных, коммуникативистских подходов к исследованию механизмов сохранения знания в культуре.

В *первом параграфе «Проблема сохранения знания в современной философии»* уточнены смысловые значения понятий знание, информация, а также концепта М.К. Петрова «социокод», которое наряду с фундаментальным противоречием деятельности и речи, предполагает противоречие человекоразмерности и кода.

В выявлении механизмов сохранения знания мы отталкиваемся от тезиса о том, что человек наследует обстоятельства своего существования, обеспечивающие стабильность общества, но также в ходе познавательной деятельности может изменять их. Социальное наследование осуществляется при посредничестве знака, который носит вневременной характер и позволяет отчуждать опыт конкретного человека. Процесс трансляции знания, таким образом, связан с усвоением знания, реализацией его в непосредственной деятельности смертного человека и снова сжатии в знаковую форму и отчуждении. Изменения жизнедеятельности под влиянием конкретных условий будут вносить изменения в тот фрагмент знания, которым обладает человек и приводить к редакции социокода в случае закрепления внесенных новаций и его сохранению.

Анализ родственного поля понятий и концептов (язык, речь, знак, код и дискурс), применимых к исследованию механизмов сохранения знания, дает нам понимание того, что сама система коммуникации и сохранения знания стремится к идеальному состоянию через преодоление не только

человекообразности, но и ограничений языка (человеческого общения) как способа кодирования. Сохранение знания как самоцель нуждается в преодолении времени, культуры, исторического контекста, что приводит к возникновению двоичного кода современных цифровых технологий. Это противоречие имеет также фундаментальное антропологическое следствие о сущности человеке и его пределах, которые сегодня преодолеваются технически и имеют также институциональное измерение.

Сохранение знание если и возможно в отдельной голове отдельного человека ограниченное время, то его трансляция и сохранение в культуре возможно только как передача знания от поколения к поколению. Потому стоит вести речь именно о механизмах хранения знания, изменяющихся в истории от элементарных механизмов, основанных на подражании, до современных сборок, в которых человек неразрывно связан с машиной.

Во *втором параграфе «Механизмы хранения знания в истории культуры»* выявляются основные этапы эволюции механизмов хранения знания в истории западноевропейской культуры, от архаических имитативных форм, до начала господства книгоцентричных механизмов и завершения их преобладания в эпоху позднего модерна.

Обращение к истории возникновения человека, анализ теорий происхождения, дает основания соотнести появление первых механизмов сохранения знания (или предшествующих механизмов) с феноменом подражания, присущего как раннему человеку, так и его предкам. Наличие развитой системы коммуникации и, особенно, наличие кодирования – символизации есть свидетельство, как возникновения человека, так и механизмов сохранения знания. Речь, здесь мы ссылаемся на Б.Ф. Поршнева, с полной ясностью свидетельствует о существовании человека, поскольку позволяет принципиально развести сигнальные системы животных и человека. Если у животных сигналы жестко привязаны к тому, о чем они сигнализируют, то у человека в основе коммуникации лежит знак, который не связан с тем, что он означает. Возникает автономная сфера значений и мир

символического как сугубо человеческая реальность. Это человеческое также является избыточным механизмом сохранения знания, поскольку противостоит архаическому механизму подражания.

Имитативный в своей основе, первичный механизм сохранения знания был ограничен непосредственным зрительным контактом производящего и обучаемого. С появлением речи и знака, как носителя знания, возникает возможность его экстерииоризации за пределы сознания. Логика имитации – интердикции не только приводит к появлению языка, но и принципиально новых механизмов сохранения знания. Возникает речь – миф (В.П. Римский), который включает в себя архаические имитативные механизмы, а также принципиально новое – профессионально-именной социокод (М.К. Петров). Последний уже основывается не на автоматизме подражания и имитации, а на символическом программировании человека в зависимости от его возраста, статуса и деятельности.

Речь-миф и лежащий в его основе механизм профессионально-именного кодирования основывался на фрагментации знания во вневременные имена и последующей сборке-отчуждении в головах старейшин, носителей мифа. Первый контур противоречий заключается в противоречии между деятельностью и знанием, ограниченностью человека – хранителя знания. Деятельность и знание диалектически взаимодействуют во взаимной трансформации. Через личный опыт носитель имени корректирует знание, которое наследуют следующие поколения. Носителем фрагмента знания выступает конкретный человек, совокупного знания – старейшина. Посредством наделения именем знание сегментируется и собирается вновь. Второй план противоречий кроется в самой речи – мифе, который объединял телесный автоматизм, ограниченный временем, и вневременной знак. И один из аспектов этого противоречия выражается в противостоянии речи и письма. Если первое нуждается в человеке, его присутствии здесь и сейчас, то письмо как уже написанное, совершенное, нет. Письмо еще более отчуждает знание от живого человека, хотя и нуждается в нем для извлечения смысла. Так или

иначе, совокупность факторов, среди которых умножение знания, упрощение письма и его темпоральность, не требующая непосредственного общения, приводят к появлению нового механизма сохранения знания, основным элементом которого стала книга.

Вошедшим в «орбиту» книгоцентричного механизма сохранения знания можно считать античную философию и далее науку, поскольку вплоть до сегодняшнего времени книга сохраняет свою актуальность. Письмо в этой истории «грамматологии» вытесняет речь в той конфигурации, которая складывается в тесной связке с философией и позднее богословием. Хотя и в античной философии, и в средневековой теологии сохранялись возможности альтернативы. Важно то, что новое социальное кодирование (социокод), было текстоцентричным. В Средние века оно сосредотачивается вокруг «центра интеграции смысла» – Библии. Античный механизм теоретического сжатия знания (механизм сохранения), который включал в себя комплекс книга – автор-творец, трансформируется в соответствии с принципом троичности и дополняется институтом Церкви. Выявленный М.К. Петровым источник трансформации знания, спор об источнике знания и творческой природе человека, дает нам возможность не только говорить о новых механизмах трансмутации, вырастающих из догматических споров, но и новом интерьере хранения знания – библиотеке, монастырской и университетской.

При этом параллельно «книжным» механизмам хранения знания сохраняются прежние механизмы, основанные на мифе и речи. Живая устная традиция была представлена песнями, сказаниями, поэмами. Она представляла собой оборотную сторону преобладающей «книжной» модели сохранения знания, была подвижной внутренне и статичной внешне, поскольку нуждалась в непосредственном контакте слушателя и рассказчика, стремящаяся к мифу как идеалу, присваивала реальные события и мифологизировала их, но, при этом, была подвижной, пересказывалась и перепевалась, передавалась от человека к человеку. Часто точками

пересечения рассказчика и слушателей были монастыри, и это знание отчуждалось в текст, сохраняясь в нем, но не обязательно.

Соприкосновение с речью-мифом было и в том, что память простых людей ограничивалась памятью крестьянской общины или цеха. Объем знаний, рецептурных по своему характеру, не выходил за границы необходимого для выживания и востребованного в повседневной жизни. Заучивание и запоминание практиковали также клирики и дворяне, имевшие возможность сохранять знание «книжным» способом. При этом последние часто хранили знание в голове зависимого человека или привлекали клириков, которые выступали хранителями знания, теми, кто записывает, отчуждает конечное знание смертного человека в вечный текст. Не менее вечным был также и образ, который наряду с живым словом составлял параллельные механизмы хранения знания, часто зависимые от слова. Слово Писания разворачивалось в образ в иллюстрациях книг, образах святых и изображениях сцен из Библии, равно как и самой архитектуре.

Во *второй главе «Современные механизмы кодирования культуры и хранения информации»* решается задача определения специфики и перспектив современных технологий кодирования культуры, что связано с возможностью преодоления ограничений человекоразмерности с помощью техники, но также возникающими «вызовами», стоящими перед человеком и человечеством; выявляются антропологические смыслы трансформации механизмов сохранения информации и особенности обратных им механизмов беспамятства.

В *первом параграфе «От книги к медиа: сохранение знания в современной культуре»* раскрывается специфика современных технологий кодирования культуры, прослеживается переход от печатной книги к медиа, от знания к информации.

Современность соотносят, прежде всего, с возможностью преодоления человекоразмерности механизмов сохранения знания техническими средствами. Связь хранения знания и техники, памяти и техники становится

основополагающей в осмыслении указанного комплекса, но также связанной с актуальностью угроз, заключающихся в отчуждении этих механизмов, атрофии памяти и, наконец, потери автономности человека, его целостности. При этом анализ оппозиции человек – техника открывает другие оппозиции, человек – животное, более актуальную для становления понимания человека со времен античности, а связь человека и техники изначально периферийна и более того, антропология дает все основания полагать, что человек возникает только в комплексе с техникой и языком. Техника неотделима от механизмов сохранения знания, его кодирования, которой и является связка человек – книга, далее печатная книга. Параллельно этим механизмам выстраивается соответствующий интерьер знания (М.К. Петров) или мегамшины (Л. Мамфорд), сборки в которые включен человек – книга – библиотека и институция, будь то монастырь, город или государство.

Техника внутри этого механизма играет еще большую роль за счет самой природы носителя знания – печатной книги. Другой особенностью нового механизма является усиление связи с властными практиками, что выражается в возникновении государственных национальных библиотек. Они возникают как хранилища «национального духа» и, тем самым, хранилищем самой нации, её памяти и идентичности. Новоевропейский механизм сохранения знания перестраивается под задачу создания нации через создание общей памяти и общего знания. Сам механизм сохранения знания ставится на службу государству и решает задачу построения нации, но включает в себя и противоречие между коллективным (конструируемым из вне) и частным (взрачиваемым самостоятельно) знанием и механизмами знания.

В явном или оформившемся виде альтернатива данному механизму возникает с появлением радио и кинематографа. Радио воскрешало архаическую устную традицию, но также тесно было связано с литературой. Кинематограф прерывает монополию книги, печатного слова и решает давнюю, восходящую к мифу и ритуалу, проблему передачи движения. Через

показ деятельности он очень тесно, сущностно связан с мифом, в котором были слиты образ и движение. В этот ряд в широком смысле механизмов сохранения и трансляции знания можно поставить также театр, цирк, различные зрелищные формы празднеств. Все они соединяют показ и действие и в своих развитых формах тесно связаны с нарративом и книгой. Кинематограф соединяет эту сущностную основу, апеллирующую к массовости, с технической основой или технологией записи и передачи образа, а затем и звука. Возникает возможность не только передачи действия, но и его сохранения, что прерывает монополию символа и его связи со знанием на сохранение вообще. Причем относительно сохранения знания, при явных возможностях фиксации реальности, кинематограф вызывает вопросы. В. Беньямин отмечает принципиальное противоречие между кинематографом и традицией, а значит и сохранением знания. Кинематограф имеет возможность наиболее полно отражать реальность, но также и кардинальным образом исказить её, выходя за границы человекоразмерности. Этот механизм мог бы представлять собой сборку человек – фильм – кинотеатр – государство, но только с учетом того, что его сутью является не сохранение знания, а манипуляция и беспамятство. Просмотр фильма можно соотнести с памятью заимствованной, коллективной и искусственной, которая сродни фантазму, распадающемуся за пределами стен кинотеатра.

Во *втором параграфе «Перспективы технологий кодирования и хранения информации в XXI веке»* исследуются перспективы современных технологий кодирования и хранения информации, которые связаны с возможностью практически безграничного сохранения знания и тотального знания о человеке, но и с обратными тенденциями, актуализирующими забывание, которое можно считать необходимым дополнением к развитым механизмам сохранения.

В «Пармениде» М. Хайдеггер пишет о начале, суть которого раскрывается в истории последней. Таким изначальным и вневременным для

нас представляется культура, механизмы сохранения знания, включенные в культуру, и техника. Сегодня они «собранны» в ситуации кризиса устоявшихся в эпоху модерна механизмов сохранения знания, которые находятся под угрозой поглощения со стороны техники и «культуры забвения». Потеря памяти как невозможность трансляции своего частного, локального кода тесно связана с феноменом технологии и техники, но, возможно, в ней есть и спасение. Такая расстановка и постановка проблемы является началом, суть которого приходит последней и в смысле давней мифологической истории Прометея и Эпиметея, то есть, она имеет давнюю историю и не является современной. Противоположности двух братьев как «думающего до» и «думающего после», предвидящего и забывающего описывают современную проблему наследования и сохранения информации в нескольких регистрах.

Забывание может трактоваться различно, как невозможность запоминания в виду пределов человекоразмерности, как невозможность декодировать сообщение и извлечь смысл или утрата кода. Все эти причины компенсирует техника. Забывание сегодня связано с принципиально иным, с отсутствием необходимости запоминать самому, при доступной возможности перепоручить это машине. Эти проблемы в контексте современности связаны также с тем, что как никогда ранее изменяется то, что М.К. Петров назвал интерьером. Устойчивость профессиональной стороны жизни человека ушла в прошлое. Под этим стоит понимать и устранение саморегуляции профессиональной деятельности, расширение государственного лицензирования, усилением международной конкуренции на рынках труда, но также рост краткосрочной занятости. Профессия сегодня часто уже не деятельность на всю жизнь. В этих процессах есть развитие логики самого капитализма, но также и логики развития культуры, как знаковой системы, воспроизводящей и преумножающей знание. Человек в такой ситуации осваивает новое знание, «разворачивает» его в деятельность, но также и «забывает» старое знание, уже не являющееся необходимым для его

профессиональной деятельности. И следующий вопрос, который необходимо задать, состоит в том, что происходит с культурой в целом и механизмами сохранения знания, которые обеспечивают стабильность и преемственность, при таких трансформациях. Мы можем предположить, что рост знания и легкость обучения и забывания, вкупе со сменой деятельности, говорят о том, что сегодня разворачивается внутренне противоречивый процесс унификации знакового кодирования знания – деятельности с одновременной его локализацией и специализацией.

Очевидно, что возрастает скорость трансляции знания. Знание становится более открытым, поскольку цензы в его распространении снимаются, преодолевая границы наций, государств, профессиональных и родственных сообществ. Но «срок жизни» его также уменьшается. Оно уплощается, теряет глубину и содержание, в основе чего лежит противоречивый процесс унификации знания, что решается использованием уже не знака, а кода. Компьютерный код, возникающий как различие между нулем и единицей, становится таким предельно унифицирующим кодом. И это минимальное содержание смысла, закодированное в паре цифр, есть аналог декартова утверждения, но только вне человеческой головы, без привязки к существованию совершенно конкретного, живого человека. Оперирующий им машинный разум лишен человеческих ограничений по объёму хранимой информации, а также по времени. Но также он лишен и культурной привязанности. Это одна из причин кризиса традиционных механизмов сохранения знания.

В этом контексте, поскольку понимание машинной памяти затруднено внешним, интерфейсом и общей образностью вывода информации, стоит обратить внимание также и на различие знака и кода в контексте различия аналоговых и цифровых медиа. Не будет ли в этой основе, а это действительно основа как передачи, так и сохранения знания, также основания (еще одного) тех новых механизмов сохранения знания (сохранения знания в формате информации), которые утверждаются на

наших глазах. Причем интересно также то, что это изменение произошло незаметно для нас. Человек сталкивается с внешней стороной машины, тем, что сегодня называют интерфейсом, системами ввода и вывода информации. Тогда как внутренность машины, а значит и её суть, остаются скрыты. Так незаметно произошел переход от аналоговых способов хранения и передачи информации к цифровым. И последние можно считать вторым типом механизмов сохранения и передачи информации (знания), после непосредственной передачи посредством имитации, непосредственного наблюдения и воспроизводства, которую можно считать первым типом. Если в первом типе информация сохраняется в отношениях идентичности и подобия, то во втором в отношениях соответствия, которое устанавливает не человек, а машина. Человек ограничен в отношении извлечения значения, декодирования информации, что также имеет и положительное следствие, поскольку процесс декодирования, как и хранения, локализован в самой машине. Иначе говоря, библиотека из нашей схемы механизма сохранения знания становится виртуальной, с некоторыми оговорками выпадает из сферы контроля государства и локализуется в инфосфере конкретного человека. Вполне возможно, что впервые в истории человек получает возможность, благодаря технике, создания собственных механизмов сохранения знания.

Отрицательной стороной беспрецедентного развития механизмов сохранения информации является феномен знания без адресата, такого знания, которое хранится ради хранения и не предполагает актуализации, разворачивания в деятельность. Знание застывает в коде, не воплощаясь в практическую деятельность, но сохраняясь как информация, знанием без актуализации, разворачивания в деятельность «живого» человека, без извлечения смысла и надежды на творческое изменение. Виртуальная библиотека является идеальной с той существенной поправкой, что в ней нет читателей и из механизма сохранения она превращается в противоположное. Феномен «машин забвения», к которым можно причислить кинематограф,

телевидение, а также их цифровые версии и всевозможные формы коллаборации в виртуальном медийном пространстве, характеризует современную культуру, отсылая от праздника к мифу и образу, симуляции и симулякризации. Машина беспамятства, забывания или забвения соединяет все эти смыслы и организует различные практики, в том числе театрализации жизни, соединенные с практиками потребления.

Образно говоря, мы можем предположить, что Прометей и Эпиметей объединены в одной машине, хранящей информацию и обеспечивающей её забвение. Память, сохранение знания, как внешнее, а часто и угрожающее, не только внутреннее, изначально возникает как проблема. И решение есть как раз забывание. То есть, оппозиция внешнего и внутреннего, человеческого и технического есть также оппозиция памяти и забвения, сохранения и уничтожения. И возможно, сегодня, в современности, мы как никогда ранее сталкиваемся с явностью этих оппозиций.

В **заключении** перечислены основные характеристики, особенности, мифологемы артистической субкультуры, представлены основные выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования артистической субкультуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК

1. Проблемы социокодов культуры и трансляции информации в современной культурологии // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – № 3 (272). – Вып. 39. – Белгород, 2017. – С. 166-172. (0,5 п.л.)
2. Информационные технологии кодирования и хранения культурной памяти в эпоху кризиса локальных культур // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Том 43, № 2. – Белгород, 2018. – С. 384-387. (0,5 п.л.)
3. Социокоды и технологии хранения информации в первобытной культуре // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Том 43, № 3. –

Белгород, 2018. – С. 56-62. (0,5/ 0,25 п.л.) (в соавт.)

Публикации в научных журналах и сборниках

4. О сущности антропологического подхода к пониманию техники // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: АМИ, 2017. – С. 176-179. (0,4 п.л.)

5. Семиотизация коммуникационного процесса как показатель неизбежности культуры // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – Вып. 3(15). – Белгород, 2017. – С. 177-179. (0,5/ 0,25 п.л.) (в соавт.)

6. Культурный код как средство трансляции культуры // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Белгород: ИПК БГИИК, 2017. Т.5. – С. 95-97. (0,4 п.л.)

7. О проблемах определения сущности культуры и семиотизации коммуникационного процесса // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям. Сборник докладов V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. – Белгород: ИПК БГИИК, 2017. Т. 1. – С. 12-14. (0,4 п.л.)

8. Культура как знаково-символическая система хранения информации // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – Вып. 1(13). – Белгород, 2017. – С. 199-202. (0,4 п.л.)

9. Социокоды в современных информационно-медийных системах // Сборник докладов Международной научной конференции «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика». – Ростов-на-Дону, Белгород, 2016 г. – С. 343-345. (0,4 п.л.)

10. Социальная сеть как информационно-коммуникационный тренд современного общества // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям. – Белгород: ИПК БГИИК, 2016. – С. 160-162. (0,4 п.л.)

11. О революции облачных технологий // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке». ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. – С. 251-260. (0,4 п.л.)

12. Философско-антропологический анализ информационных технологий, как средства трансформации повседневной жизни человека // Сборник докладов заочной

Всероссийской научно-практической конференции «Человек в пространстве культуры». –
Белгород: Изд-во БГИИК, 2014. – С. 219-222. (0,4/ 0,2 п.л.) (в соавт.)